

Отзыв
официального оппонента

на диссертацию В.В. Смекалиной «Русские путешественники в Швейцарии во второй половине XVIII – первой половине XIX в.» (М., 2014 г., 303 с.) на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Диссертация В.В. Смекалиной представляет собой фундаментальное научное исследование, затрагивающее ряд актуальных проблем и важных феноменов российской истории и культуры XVIII – XIX вв., связанных, главным образом, с восприятием и адаптацией европейских реалий и культурных практик на российской почве. Центральный объект внимания автора – освоение «швейцарского мифа» в русской культуре – исследуется на материале путешествий.

С самого начала автор поставил перед собой задачу выявить и описать все известные русские путешествия в Швейцарию во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Она потребовала скрупулезной проработки довольно большого объема источников, но ее решение в конечном итоге позволило получить значимые результаты: описать складывание образа Швейцарии в русской литературе путешествий и саму практику путешествий в динамике, выделить в рамках исследуемого периода два этапа российского знакомства с Швейцарией, выявить сходства и различия в целях и мотивации путешественников, охарактеризовать численность россиян в Швейцарии в разные периоды, их основные маршруты и объекты внимания, продолжительность путешествий, нарисовать общую картину развития и освоения «швейцарского мифа» и сформировать представительную базу данных для содержательного анализа этого процесса. Она помещена в приложение к работе в виде таблицы. Незначительная доработка, а именно добавление информации о сочинениях указанных лиц, отразивших их восприятие Швейцарии, сделало бы эту базу весьма содержательным справочником по соответствующей тематике.

Диссертацию В.В. Смекалиной отличает установка на систематичность. Она проявляется и в подборе источников, и в постановке исследовательской задачи, и в рассуждениях автора. Диссертация имеет сложную, но логичную структуру; стремление к систематизации видно, например, в дробной композиции работы, при которой деление текста на части всегда тематически обосновано. Исключением, на мой взгляд, является лишь первая глава, в которой периодизация знакомства россиян с Швейцарией в XVIII в. представляется искусственной и плохо согласуется с материалами источников, приводимыми исследователем. В частности, они не подтверждают отмеченную автором особую частоту контактов русских путешественников между собой в конце 1760-х –

середины 1770-х гг. на фоне более раннего и более позднего периодов или *возросшее внимание к природе Швейцарии* в 1780 - начале 1790х гг. (разве что за исключением П.А. Строганова, случай которого, как совершенно особый, разбирается в отдельной главе и не может считаться типичным).

Ярким показателем четкости мышления и системности исследования является стремление автора к терминологической ясности: в самом начале работы даются определения ключевым понятиям, используемым в диссертации: «русский путешественник», «русское путешествие» и «швейцарский миф». И хотя автор не всегда строго следует принятым дефинициям – допуская ряд исключений и периодически заключая упомянутые термины в кавычки – это, на мой взгляд, методически верный и необходимый «ход», поскольку он сразу обозначает границы исследования и избавляет автора и читателя от многих лишних вопросов (в частности, от одного из «вечных» вопросов *travel studies* - что является путешествием, а что – нет).

Постановка исследовательской задачи, определение объекта и предмета исследования, а также его хронологических границ не вызывает вопросов. Отмечу лишь не очень точную формулировку цели работы: заявленное изучение эволюции образа Швейцарии в русской культуре вообще, конечно, не может ограничиваться материалами путешествий, которым, фактически, посвящена диссертация. Конкретные же задачи данной работы – четко сформулированные и полностью выполненные автором – не выходят за границы указанного предмета исследования.

Обзоры источников и историографии наглядно демонстрируют профессиональную компетентность диссертанта. Объем использованной литературы и источников показывает, что автор обладает не только широкой эрудицией и прекрасной осведомленностью в отечественной и зарубежной литературе (в том числе новейшей), но и специальными навыками архивного исследования. Диапазон исследований и источников на иностранных языках так же внушителен, как и перечень отечественных архивных фондов, обработанных автором - а это, насколько я могу судить, является довольно редким сочетанием.

Историографический обзор построен по тематически-хронологическому принципу, что, на мой взгляд, является не самым удачным выбором, поскольку такой способ организации материала не позволяет внятно обозначить место данной работы в историографическом контексте, особенно по-отношению к столь близким к теме диссертации исследованиям Р.Ю. Данилевского и П. Бранга. Также, несмотря на внушительный объем и разнообразие списка использованной литературы, стоило бы его расширить за счет работ, посвященных методическим вопросам изучения центральных для данного исследования феноменов – путешествий, образов Другого в культуре и

национальной мифологии. Знакомство с ними помогло бы проблематизировать исследование и обогатило бы его методически и концептуально.

Если перечень использованной литературы еще может быть расширен, то источниковая база диссертации представляется исчерпывающей. Нельзя не отметить разнообразие и большой объем основных материалов – записок путешественников. Характеристика источниковой базы исследования показывает, что, с одной стороны, автор прекрасно владеет навыками формального описания источников, а с другой стороны, эти формальные процедуры и категории не заслоняют от него самого текста. Выделяя разные группы используемых материалов, автор отдельно оговаривает относительность этой категоризации. Скажем, столь характерная для рассматриваемого периода стилизация записок путешественников под эпистолярный жанр, многократно описанная в разных исследованиях, сильно затрудняет их четкое распределение по традиционным группам – мемуаров, дневников и корреспонденции. В источниковедческом обзоре данные классификационные сложности подробно разбираются на примерах текстов А.И. Тургенева, В.А. Жуковского (с. 27) и А.И. Михайловского-Данилевского (с. 29).

Из-за того, что «внешняя критика» источников, очевидно являющаяся сильной стороной исследователя, преобладает над содержательной частью, выводы источниковедческого обзора, характеризующие информационный потенциал изучаемых материалов, выглядят довольно неожиданными. Очевидно, этого можно было бы избежать, уделив в данном разделе большее внимание анализу содержания текстов, тематических пристрастий, описательных и литературных стратегий их авторов.

Описательный момент преобладает над аналитическим и в некоторых других частях диссертации (особенно, в 1-й главе и предваряющих ее разделах, в IV разделе 2-й главы и в I разделе 3-й главы). Невостребованность критического взгляда (зачастую сводящая анализ источника к его пересказу), по-видимому, объясняется методической установкой исследователя, сформулированной в полемике с Ю.М. Лотманом относительно «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина – не отделять «героя» путешествия от самого автора. Сама по себе такая позиция – трактующая текст как непосредственное отражение действительности и потому не нуждающаяся в критической оптике – вероятно, имеет право на существование, однако, безусловно, требует более основательных аргументов, чем использованная автором апелляция к «презумпции невиновности» путешественника.

Большое внимание в диссертации уделяется выявлению и уточнению данных по каждому из упоминаемых путешественников. Устанавливая факты биографий своих «героев», обстоятельства их поездок, их разнообразные контакты с земляками и иностранцами, автор демонстрирует не только прекрасное знание иностранной литературы,

но и профессиональные исследовательские умения и навыки работы с разными видами источников. Примером этого может служить, например, IV раздел 3-й главы о графе Ф.Г. Головкине, а также эпизоды, посвященные братьям Веселовским, Разумовским, Ф.Н. Голицыну и другим. Реконструкция маршрутов путешествия, характеристики передвижения, перечня посещенных мест, повседневных практик, круга общения путешественников и ряда других параметров осуществляется автором аккуратно, педантично, со всей возможной подробностью и неременной опорой на источники: почти каждое утверждение сопровождается сносками. На этом фоне характеристики «внутренних» аспектов исследуемого предмета – представлений путешественника, восприятия и оценок окружающей действительности – предстают менее фундированными и обоснованными. Многие из них (например, о том, что мифы швейцарской истории «закреплялись в народном сознании настолько крепко, что становились частью путевых впечатлений» путешественников (с. 37), что склонность Ф.Н. Голицына к философствованию получила развитие на женеvской почве (с. 96), а для Павла I Швейцария до конца жизни осталась «страной-сказкой» и «живым воплощением книжной «идиллии» (с. 190)) звучали бы гораздо убедительнее, если бы опирались на тексты источников.

Говоря о недостатках работы, следует указать на периодические повторы одних и тех же сведений в разных разделах (см., например, страницы 49 и 75, 43 и 148), а также некоторые досадные неточности, совершенно «невинные» в публицистическом сочинении, но вызывающие вопросы в научном тексте. Так, по словам автора, для братьев Демидовых «знакомство с Вольтером можно считать большой честью и важным этапом в их жизни, который они проходили вслед за И.И. Шуваловым, А.С. Строгановым и Б. М. Салтыковым». Однако, во-первых, Б.М. Салтыков был в Женеве после Демидовых, следовательно, это он следовал им, а не наоборот. А во-вторых, приведенные в работе данные показывают, что общение с Вольтером было *символически значимым фактом* биографии молодых братьев Демидовых, но не *этапом их жизни*; и визиты к знаменитому философу были безусловно важными, но носили скорее светский характер (в отличие, кстати, от того же Б.М. Салтыкова).

В диссертации В.В. Смекалиной впервые в отечественной историографии предпринимается попытка проследить генезис феномена «воодушевления Альпами» на российском материале. Примечательно, что автор не ограничивается фигурой Н.М. Карамзина как традиционного «законодателя» и классика швейцарской темы в русской литературе, но обнаруживает истоки исследуемого *Alpenbegeisterung* в докарамзинских текстах – у великого князя Павла Петровича и П.А. Строганова. Характерной особенностью и несомненным достоинством исследования является то, что российские сочинения

рассматриваются в контексте соответствующей европейской традиции. Акцентируя преимущество и органичность российского «воодушевления Швейцарией» как элемента общеевропейской тенденции, старательно выявляя источники и каналы распространения этого феномена, автор чуть меньше внимания уделяет другому аспекту данной темы: специфике российской интерпретации швейцарского мифа; отличиям российского воодушевления Швейцарией и Альпами от английского, шведского или польского, или, перефразируя название одной из упомянутых в диссертации работ (Ring J. *How the English made the Alps*. London, 2000) - *how the Russians made the Alps*.

Представленная диссертация, как всякое основательное исследование, содержит обширный материал и ценные наблюдения по ряду проблем. Я бы отметил три, по моему мнению, наиболее важных. Это, во-первых, проблема культурного единства России и Европы в рассматриваемый период, связанная с вопросами трансляции культурных концептов и практик. С одной стороны, проведенное исследование свидетельствует в пользу этого единства, показывая, что европейское воодушевление Альпами было органично воспринято русской культурой. В то же время, нельзя не заметить любопытного обстоятельства: при том, что в Европе «швейцарский миф» в целом сформировался уже к середине – второй половине XVIII столетия, для русской культуры он был открыт лишь Н.М. Карамзиным. Это еще раз подтверждает значимость «Писем русского путешественника», но одновременно указывает на относительность включенности России в европейский культурный контекст, при которой условием для освоения культурного феномена является его адаптация и «перевод».

Другой круг вопросов, связанный с сюжетами диссертации, касается содержания самого понятия «миф» применительно к образу того или иного объекта (страны, народа и т.д.). Является ли миф чем-то большим, чем просто набором стереотипных характеристик, повествовательных и поведенческих клише? Что можно считать необходимым и достаточным «симптомом» для «диагностирования» «швейцарского мифа»? Возможно ли говорить о Швейцарии вне этого мифа? Всякое ли описание альпийской природы / подъем в горы / восхваление гражданской свободы / упоминание о Вильгельме Телле и т.д.) есть непременно проявление мифа? Есть ли что-то за границами «швейцарского мифа», и если нет, то насколько функционально это понятие для научного исследования?

Наконец, еще одна проблема, крайне актуальная для данной работы – это проблема *литературности* путешествия: насколько путевые впечатления наблюдателя непосредственны и насколько, напротив, опосредованы литературной, и шире – культурной традицией. Как соотносятся априорные представления и непосредственные наблюдения путешественника? Диссертант показывает, что, по крайней мере, в случае Швейцарии

путевые впечатления россиян почти всегда совпадают с их исходными представлениями. Мне же такое заключение представляется преждевременным, хотя бы потому, что для выяснения соотношения этих двух видов информации необходимо научиться различать их в тексте путешествия, а это удастся далеко не всегда.

В заключение еще раз отмечу, что диссертационное исследование В.В. Смекалиной вносит заметный вклад в изучение русско-швейцарских культурных связей XVIII – XIX вв. и образа Швейцарии в России; основные положения диссертации отражены в научных публикациях и автореферате. Выводы диссертации, а также представленная в Приложении база данных по русским путешественникам может быть использована как при подготовке общих и специальных курсов по истории России и русской культуры, так и в научных исследованиях. Автор диссертации заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 - Отечественная история.

22 января 2014 г.

научный сотрудник
Отдела этнологии русских
Института Этнологии и Антропологии РАН,
кандидат исторических наук

П.С. Куприянов

